

О КРИЗИСЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА (ПЕРЕЧИТЫВАЯ А.Э. ЖАЛИНСКОГО)

© 2023 г. Н. А. Лопашенко

Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: lopashenko@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.11.2022 г.

Аннотация. Автор рассуждает о двух видах кризиса в уголовном праве: с одной стороны, о кризисе уголовно-правовой доктрины, который уже достаточно исследован, с другой — о кризисе самого уголовного права, о котором одним из первых писал профессор А. Э. Жалинский, выделяя его (кризиса) социальные и правовые признаки. Через анализ и тех и других, с использованием большого иллюстративного материала (экономического, статистического, доктринального) автор приходит к выводу о том, что уголовное право находится в кризисном состоянии, при этом разные кризисные признаки имеют разную степень выраженности.

Ключевые слова: кризис уголовного права, законодательная инфляция, расширение предмета уголовно-правового воздействия, злоупотребление уголовным правом, снижение уровня законотворчества

Цитирование: Лопашенко Н.А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. № 9. С. 97–111.

DOI: 10.31857/S102694520027656-2

ON THE CRISIS OF RUSSIAN CRIMINAL LAW (RE-READING A.E. ZHALINSKY)

© 2023 N. A. Lopashenko

Saratov State Law Academy

E-mail: lopashenko@yandex.ru

Received 18.11.2022

Abstract. The author discusses two types of crisis in Criminal Law: on the one hand, the crisis of criminal law doctrine, which has already been sufficiently investigated, on the other — the crisis of Criminal Law itself, which Professor A.E. Zhalinsky was one of the first to write about, highlighting its (crisis) social and legal signs. Through the analysis of both, using a large illustrative material (economic, statistical, doctrinal), the author comes to the conclusion that Criminal Law is currently in a state of crisis, while different crisis signs have different degrees of severity.

Key words: crisis of Criminal Law, legislative inflation, expansion of the subject of criminal law impact, abuse of Criminal Law, decrease in the level of lawmaking.

For citation: Lopashenko, N.A. (2023). On the crisis of Russian criminal law (re-reading A.E. Zhalinsky) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 97–111.

Уголовное право России, несмотря на ожидание перемен в нем, и сейчас представляет собой достояние государства и общества.
А.Э. Жалинский¹

1. О разном понимании кризиса в уголовном праве. Кризис уголовно-правовой науки

Применительно к уголовному праву выделяют по меньшей мере два вида кризисов, связанных с ним: кризис уголовно-правовой науки и кризис самого уголовного права, включая кризис уголовного законодательства². Они, разумеется, связаны между собой, однако это далеко не связь порождения, связь причинная. Иногда кризис в уголовно-правовой доктрине появляется на фоне совсем некризисного состояния уголовного права, как раз на фоне того, что наука в силу благополучия отрасли не находит путей для своего развития, переходит на схоластические исследования³. Хотя истинно русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?» могут возникнуть в уголовно-правовой науке и в связи с кризисом отрасли, знаменуя собой стадию, когда наука ничего не может предложить для выхода из кризиса.

О первом кризисе в уголовно-правовой науке говорят довольно часто, вслед за классиками — проф. А.Э. Жалинским, впервые рассуждавшим об этом в середине первого десятилетия XXI в.⁴, акад. В.Н. Кудрявцевым, выступившим на эту тему на одном из конгрессов уголовного права в МГУ им. М.В. Ломоносова⁵, ответившим ему проф. А.В. Наумовым⁶ и оживленной полемикой в юридических СМИ⁷. Обсуждаются проблемы кризиса в доктрине и сегодня⁸.

¹ См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2008. С. 2.

² Одна из первых публикаций на эту тему принадлежит проф. О.Л. Дубовик (см.: Дубовик О.Л. Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории // Право и политика. 2001. № 2).

³ См. об этом, напр.: Мацкевич И.М. Геометрия уголовного закона // Lex russica. 2018. № 9 (142). С. 10.

⁴ См.: Жалинский А.Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1.

⁵ См.: Кудрявцев В.Н. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130, 131.

⁶ См.: Наумов А.В. Открытое письмо академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 135–138.

⁷ См.: Кузнецова Н.Ф. Нужна ли модернизация уголовного права? // Уголовное право. 2007. № 2; Наумов А.В. О будущем российского уголовного права — законодательства, его применения и науки // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2008. № 6. С. 15–20; и др.

⁸ См., напр.: Бытко Ю.И. О некоторых признаках кризиса в сфере уголовно-правового нормотворчества // Вестник СГЮА. 2013. № 3 (92); Бочкарев С.А. Метафизика и ее место в структуре уголовного правового знания // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 4;

Многие, в том числе и я, полагают, что кризис в науке есть. На мой взгляд, одна из основных причин кризиса состоит в невозможности быстрого осмысления тех изменений, которые происходят в уголовном законодательстве (в этом смысле законодателю проще — он осмыслением, сопоставлением вновь введенной нормы с другими мало озабочен, к сожалению). То есть академическая наука «тонет» в том потоке информации, который ей необходимо освоить и усвоить, для того чтобы подняться немного над практикой законотворчества и правоприменением и сформулировать новые выводы и новые подходы к проблемам уголовного права. Очевидно, главенствует наука практическая, прикладная, занимающаяся узкими проблемами квалификации. Она, разумеется, должна быть, но ее роль вторична, она носит в основном обслуживающий характер, к созиданию, построению основ нового уголовного права она редко когда пригодна...

Профессор А.Э. Жалинский, напротив, утверждал, что «теория уголовного права в принципе прикладная наука и фундаментальной не является»⁹ (с. 113), однако пределы фундаментальности и прикладного характера он понимал, как представляется, специфически и противоречиво себе же. Предваряя ту цитату, которая приведена, А.Э. Жалинский писал, что «действующее уголовное законодательство нуждается в принципиальных изменениях, но они должны быть фундаментально подготовлены...». Назначение науки — «в обеспечении “выращивания институтов уголовного права”» (с. 113). Разве сказанное — не про фундаментальность науки? Прикладной характер науки уголовного права есть тогда, когда она следует (и часто слепо) за уголовным законом, объясняя его для нужд правоприменения. Фундаментальные задачи заключаются в том, чтобы сформировать научную основу для правотворчества, и правотворчества не сиюминутного.

А.Э. Жалинский принадлежал к тем, чей вклад в созидание уголовного права невозможно переоценить. Готовя этот материал, я пролиставала его главную, на мой взгляд, книгу — «Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ», вышедшую 15 лет назад: актуальность авторского глубокого анализа со временем только возросла.

Шиханов В.Н. Регрессивный сдвиг и утрата этических оснований в уголовном праве как глобальная проблема // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: А.М. Бычкова, Н.В. Кешикова. Иркутск, 2021. С. 222–228; Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Проблемы производства и оборота криминалистической информации // Российский девiantологический журнал. 2021. № 1 (1). С. 137–150.

⁹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ (далее по тексту будут указаны страницы этой работы).

2. Кризис уголовного права и его признаки

Уходя от кризиса науки, остановлюсь на другом — и главном — кризисе, — на кризисе самого российского уголовного права, по сути, часто предтече кризиса в доктрине. Об этом кризисе мало пишут («понятие “кризис” применительно к уголовному праву употребляется не везде и является во многом спорным» (с. 117)). А.Э. Жалинский, анализируя суждения европейских ученых, сформулировал признаки кризиса уголовного права, условно разделив их на социальные и собственно правовые (с. 117). Принимая позицию автора, далее попробую посмотреть на уголовное право через призму выделенных им признаков. Единственная коррекция, которую я себе здесь позволю, — это очередность рассмотрения кризисных признаков. Как представляется, некоторые социальные и правовые

признаки кризиса уголовного права должны исследоваться последовательно.

2.1. Быстрый рост прямых и косвенных затрат на поддержание реализации уголовного закона (социальный признак кризиса)

А.Э. Жалинский имел в виду рост затрат на розыск, расследование, судебную деятельность, исполнение приговора (это прямые затраты), а также повышение транзакционных издержек субъектов социальных отношений (косвенные затраты) (с. 117).

Данные *о прямых затратах на реализацию уголовного закона* едва ли можно выявить без опять-таки специальных исследований. Однако можно посмотреть на общие затраты государства на судебную власть, функционирование органов прокуратуры и следствия, органов внутренних дел, органов юстиции, системы исполнения наказаний через анализ исполнения расходов федерального

Таблица 1

Расходы федерального бюджета на содержание правоохранительных органов, судебной власти и системы исполнения наказания в России (в млрд руб.)¹⁰

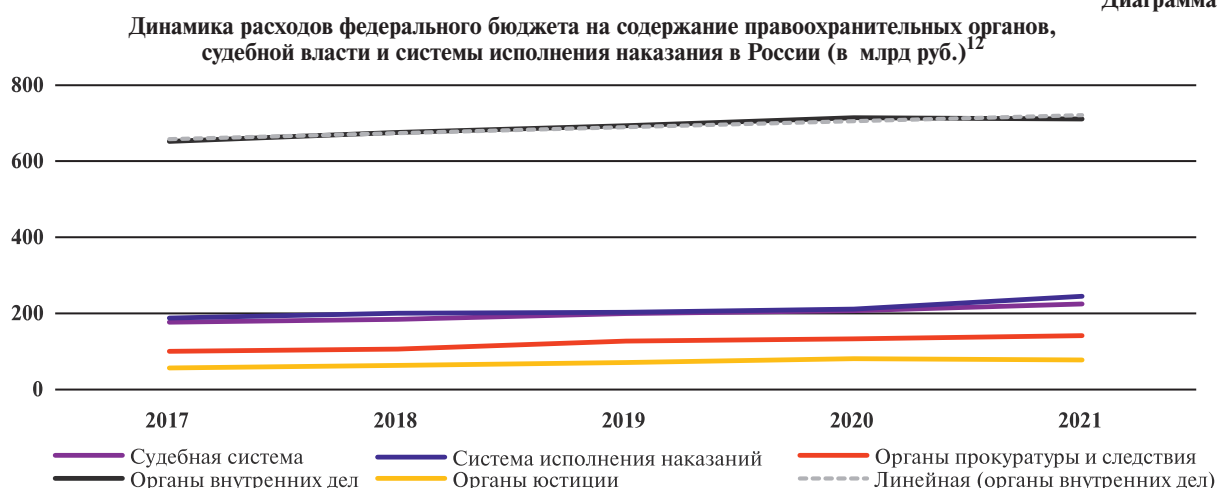
Наименование / год		2017	2018	2019	2020	2021 ¹¹
Судебная система	План	161.589	167.877	172.169	184.6	—
	Уточн. роспись	176.921	184.425	199.727	207.2	225.138
	Исполнение	172.683	177.023	190.455	202.2	220.358
Органы прокуратуры и следствия	План	100.986	105.709	126.460	131.3	—
	Уточн. роспись	99.989	106.309	127.253	133.0	141.220
	Исполнение	98.587	105.588	126.010	131.4	138.848
Органы внутренних дел	План	644.422	663.463	687.778	691.7	—
	Уточн. роспись	652.547	675.828	693.459	714.6	711.357
	Исполнение	647.674	671.611	688.731	709.5	706.364
Органы юстиции	План	43.899	50.552	58.513	67.0	—
	Уточн. роспись	56.675	63.405	70.330	80.9	77.509
	Исполнение	53.984	60.680	68.046	78.9	77.202
Система исполнения наказания	План	185.536	198.726	199.623	205.2	—
	Уточн. роспись	187.258	200.744	202.427	210.9	209.570
	Исполнение	218.503	227.641	231.776	244.2	245.023

¹⁰ См.: Официальный сайт Министерства финансов РФ // <https://minfin.gov.ru/>

За период 2017–2019 гг. расходы обозначались в миллионах рублей, с 2020 г. — в миллиардах; для удобства все переведено в миллиарды (Авт.).

¹¹ Полный отчет с таблицей исполнения расходов федерального бюджета в 2021 г. в разрезе разделов и подразделов классификации расходов федерального бюджета на сайте Министерства финансов РФ найти не удалось. Есть только анализ расходов по государственным программам, однако по предыдущим годам я их не учитывала. Чтобы картина была однородной, в этой колонке использованы данные из отчета Казначейства РФ // <https://spending.gov.ru/budget/fkr/?year=2021> (Авт.).

Диаграмма 1

бюджета в разрезе разделов и подразделов классификации расходов федерального бюджета. Понятно, что значительная часть этих расходов относится к расходам на реализацию уголовного законодательства, хотя и не исчерпывается ими.

Таким образом, можно констатировать, что расходы бюджета на содержание правоохранительных органов, судебной власти и системы исполнения наказания за последние пять лет росли. Посмотрим, каким был рост в каждом следующем году, и каков он, если

всего увеличивались в течение пяти лет расходы государства на содержание системы исполнения наказания и органов внутренних дел. Однако показатели последнего года анализируемого периода (в сравнении с показателями начала периода) продемонстрировали рост по содержанию всех органов, напрямую противодействующих преступности. Более всего выросло содержание органов прокуратуры и следствия (почти в половину), затем — органов юстиции, далее — судебной системы.

Таблица 2

Динамика расходов федерального бюджета на содержание правоохранительных органов, судебной власти и системы исполнения наказания в России (в %) ¹³

Наименование / год	2018 г. к 2017 г.	2019 г. к 2018 г.	2020 г. к 2019 г.	2021 г. к 2020 г.	2021 г. к 2017 г.
Судебная система	4.2	8.3	3.7	8.7	27.3
Органы прокуратуры и следствия	6.3	19.7	4.5	6.2	41.2
Органы внутренних дел	3.6	2.6	3.0	-0.45	9.0
Органы юстиции	11.9	10.9	15.0	-4.19	36.8
Система исполнения наказания	7.2	0.83	4.2	-0.63	11.9

сопоставить данные расходов за первый и последний годы анализируемого периода.

Таблица 2 показывает неравномерность роста расходов государства на содержание указанных органов в течение пяти последних лет. При этом показатели 2021 г. по сравнению с предыдущим годом продолжили рост только по содержанию судебной системы, а также органов прокуратуры и следствия; по остальным органам они оказались в минусовой зоне. Менее

Понятно, что рост содержания правоохранительной, судебной и уголовно-исполнительной систем учитывает инфляционные процессы. По данным Росстата, по годам, входящим в анализируемую совокупность, инфляция в России составила: 2017 г. — 2.5%; 2018 г. — 4.3%; 2019 г. — 3.0%; 2020 г. — 4.9%; 2021 г. — 8.39%¹⁴, т.е. в среднем инфляция за пять лет росла каждый год на 4.6%. Таким образом, для того чтобы содержание правоохранительной, судебной, уголовно-исполнительной систем не страдало и не уменьшалось под влиянием инфляционных процессов, за пять истекших лет оно должно было вырасти

¹² Приняты во внимание только данные по плановому показателю (уточненная роспись) (Авт.).

¹³ См.: Официальный сайт Министерства финансов РФ // <https://minfin.gov.ru/>

За период 2017–2019 гг. расходы обозначались в миллионах рублей, с 2020 г. — в миллиардах; для удобства все переведено мною в миллиарды (Авт.).

¹⁴ См.: Инфляция в России по годам: 1991–2022. URL: <http://global-finances.ru/inflyatsiya-v-rossii-po-godam/?ysclid=la969wxfy2414306500>

примерно на 25–26.5%¹⁵ (и это, на мой взгляд, очень высокая цифра; при таких темпах за каждые 20 лет содержание указанных систем должно удваиваться, что, в свою очередь, не может не провоцировать дальнейший рост инфляции. Но это проблема не содержания правоохранительной, судебной, уголовно-исполнительной систем, а экономической системы России).

Если вернуться к данным *табл. 2*, видим, что ближе всего к обоснованному росту инфляции цифрам стоит покрывающий инфляционные процессы рост расходов бюджета на содержание судебной системы — 27.3% (хотя и он внутри периода «выбивается» в сторону неоправданного увеличения в 2019 г.). Содержание органов прокуратуры и следствия, с одной стороны, и органов юстиции — с другой, выросло за пять лет гораздо больше уровня инфляции, соответственно на 41.2% и 36.8%. В таком росте *можно усмотреть наличие кризисного признака уголовного права* (не забывая о том, что органы прокуратуры и органы юстиции предназначены не только для противодействия преступности).

Но сделанный анализ приводит еще к одному выводу, и он по возможным последствиям, представляется, гораздо хуже первого: данные *табл. 2* явно свидетельствуют о недофинансировании для покрытия инфляции содержания таких органов, как органы внутренних дел (всего 9%-ное увеличение содержания за пять лет вместо 25–26.5%) и система исполнения наказания (11.9%). Недофинансирование указанных систем может привести к росту преступности в последних, и прежде всего к росту коррупции, должностных преступлений, преступлений против правосудия и против порядка управления (в частности, побегов из мест лишения свободы и дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества).

Косвенные затраты на поддержание реализации уголовного закона

Это вторая часть анализируемого признака кризиса уголовного права, состоящая в повышении трансакционных издержек субъектов социальных отношений. Пожалуй, это одно из самых неоднозначно понимаемых, трудно устанавливаемых кризисных значений уголовного права. Трансакционные издержки — понятие изначально сугубо экономическое, применяемое для оценки дополнительных, не рассчитываемых, как правило, заранее затрат субъектов на исполнение экономического договора. Затем понятия трансакции и трансакционных издержек стали распространяться и на другие сферы общественной жизни, на право в том числе. Так, по мнению Р.Ф. Степаненко

и М.Р. Камарова, для правовой сферы можно сформулировать такое понятие трансакции: «Трансакция — это отчуждение либо присвоение прав, обязанностей, свобод, гарантий, ответственности и компетенции между субъектами правоотношений (государство, общество, личность)»¹⁶. А трансакционные издержки они же определяют как потери материального, временного и нематериального характера, необходимые для совершения трансакции¹⁷. Применительно к уголовному праву с точки зрения экономической теории А.М. Разогреева и А.А. Чутченко понимают под издержками в целом «явные и альтернативные затраты, потраченные на ресурсы (товары, услуги, работы), необходимые для достижения той или иной цели»¹⁸.

Отрадно, что в последние годы доктрина стала обращать внимание на тему экономических последствий и издержек применения уголовного закона¹⁹, цены преступности²⁰ и пр., но таких исследований пока еще слишком мало и они часто разрозненны, касаются трансакционных издержек при рассмотрении других проблем (например, связанных с предупреждением отдельных видов преступности или посвященных анализу эффективности отдельных уголовно-правовых норм). Впервые же о трансакционных издержках уголовного права говорил именно А.Э. Жалинский, связывая их с поддержанием реализации уголовного закона²¹.

Косвенные трансакционные издержки как проявление кризисного признака уголовного права даже

¹⁶ Степаненко Р.Ф., Камаров М.Р. Трансакционные издержки: современные методологические подходы к изучению правовой реальности // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 298.

¹⁷ См.: там же.

¹⁸ Разогреева А.М., Чутченко А.А. Перспективы развития экономического уголовного права // Вестник Таганрогского ин-та им. А.П. Чехова. Сер. «Право». 2022. № 1. С. 371.

¹⁹ См., напр.: Бибики О.Н. Применение теории рационального выбора в уголовном праве и криминологии (на примере теории Коуза) // Юридический вестник Самарского ун-та. 2016. Т. 2. № 1. С. 91–98; Его же. Экономический подход в юридической науке // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2016. № 4 (49). С. 26–33; Его же. Рынок «лимонов» и проблема учета личности преступника // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2017. № 1 (50). С. 197–199; Его же. Стратегические приоритеты уголовного права — возмездие или ресоциализация? // Юридический вестник Самарского ун-та. 2018. Т. 4. № 2. С. 17–23.

²⁰ См., напр.: Квашиш В.Е. «Цена» преступности как криминологическая проблема // Уголовное право. 2008. № 6. С. 94–102; Афанасьева О.Р. «Цена» преступности и проблемы ее исчисления // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2012. № 5. С. 9–16; Цена преступности (методология ее определения) / под ред. Н.А. Лопашенко, М., 2014; Михайлов А.Е. Цена преступности и ее место в системе противодействия преступности // Ученые записки РАНХиГС (Владимир). 2022. № 2 (42). С. 142–147.

²¹ См., напр.: Жалинский А.Э. Об экономическом подходе к уголовному правотворчеству // Государство и право. 2007. № 10. С. 58–67.

¹⁵ Инфляционные калькуляторы дают последнюю цифру — 26.5% (см., напр.: URL: <https://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B?ysclid=l a98vfpzib658405502>).

в ближайшем рассмотрении слишком масштабны для того, чтобы дать полное или хотя сколько-нибудь полное представление о них в рамках настоящей статьи, еще и с учетом дискуссионности понятий трансакции и трансакционных издержек вообще и неразработанности теории издержек в уголовно-правовой доктрине. Не утверждая, что я верно понимаю А.Э. Жалинского, рискну предположить, что речь в данном случае должна идти, прежде прочего, о криминализации, а также об исполнении уголовного закона (в плане уголовного наказания и иных уголовно-правовых мер).

Бездурное расширение криминализации, с одновременным высоким порогом пенализации новых деяний, ведет к тому, что трансакционные негативные последствия — издержки привлечения к уголовной ответственности, осуждения за совершение вновь появившихся преступлений, а часто — «псевдопреступлений», не обладающих необходимой для преступления степенью общественной опасности, издержки применения строгих наказаний за них вырастают многократно и по самым разным направлениям жизни человека, общества, государства. Например, по цепочке: осужденный утрачивает место постоянной работы (чаще всего), деловые контакты (если вел предпринимательскую деятельность), контакты с друзьями, а то и с семьей; социализация его сильно ограничивается; семья осужденного теряет в обычных доходах, за счет утраты места работы осужденным, иногда лишается имущества (если была произведена конфискация); меняется в сторону ухудшения социальный статус семьи в обществе и коммуникации между членами семьи; организация (предприятие) теряет своего осужденного сотрудника (работника) на время (иногда уже на стадии предварительного

расследования, а затем и на стадии исполнения наказания) или навсегда (если применено лишение свободы или наказание в виде запрета заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности) и вынуждена искать новых сотрудников; перед государством встает проблема ресоциализации осужденного.

И это далеко не полные звенья трансакционных издержек... А есть еще глобальный пласт издержек — издержки, связанные с коррупцией, в том числе с коррупцией в правоохранительных и судебных органах.

Подводя итоги анализа кризисного признака, можно признать его наличие в российском уголовном праве, хотя и здесь с разной степенью выраженности в отношении прямых и косвенных затрат (по прямым затратам признак выражен меньше, чем по косвенным затратам).

2.2. Одновременный рост числа обвинительных приговоров и совершаемых преступлений — несоответствие социальных издержек социальным выгодам (социальный признак кризиса)

Если принять во внимание официальную регистрацию преступности и статистику судимости, следует сделать вывод о том, что свидетельствующего о признаке кризиса уголовного права роста показателей в Российской Федерации нет. Регистрация преступности (данные о возбужденных уголовных делах) долгое время, после пика в 2006 г., «падала», сейчас относительно стабилизировалась, с общей тенденцией все-таки к снижению показателей, что демонстрирует *диаграмма 2*.

Посмотрим соотношение регистрации преступлений и судимости, — то, на что указывал в кризисном признаке А.Э. Жалинский, добавив сюда

Диаграмма 2

Регистрация преступлений в России (1997–2021 гг.)

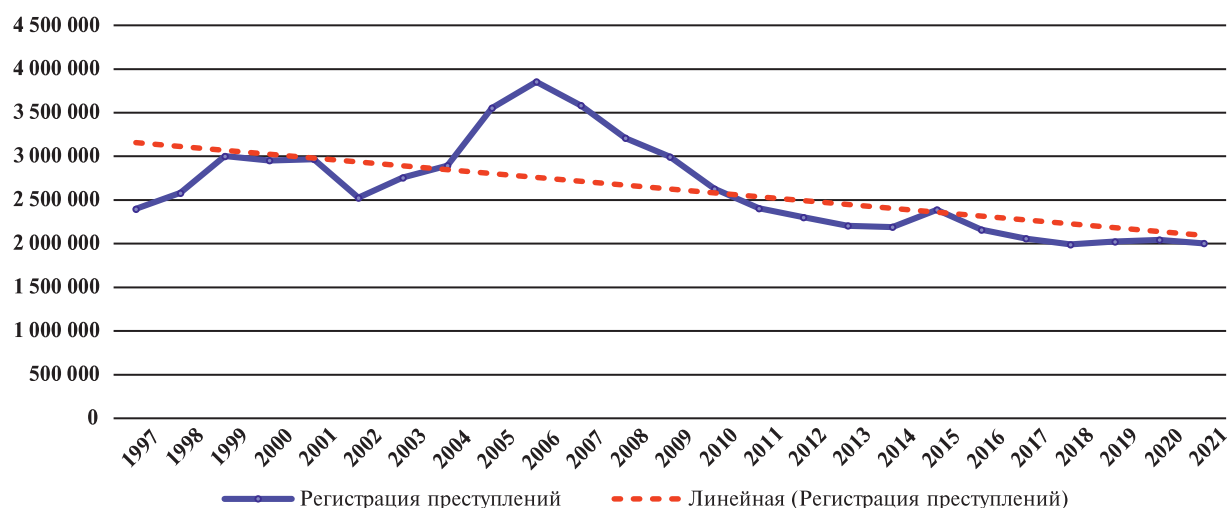
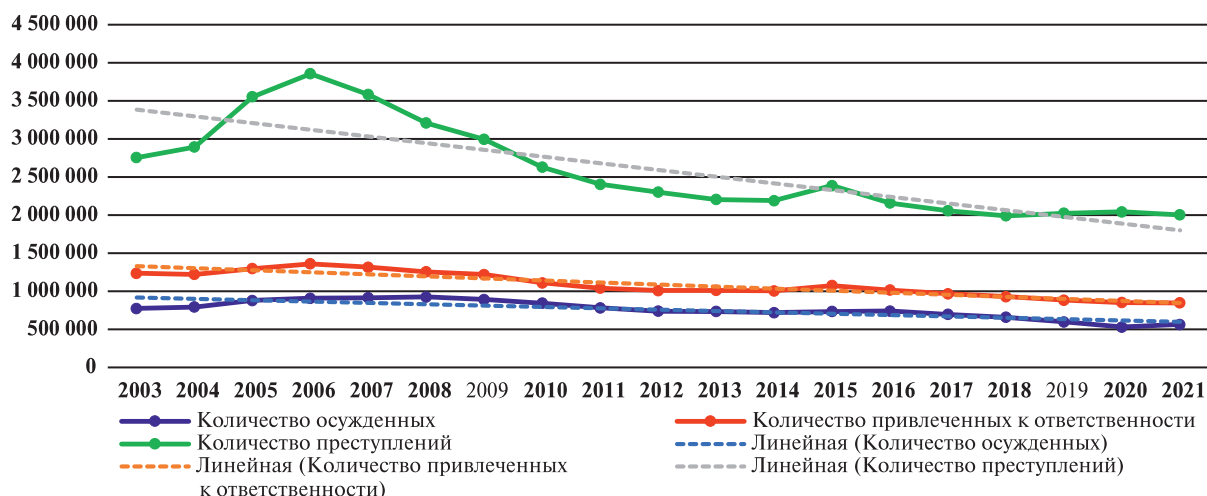

Диаграмма 3

Соотношение регистрации преступлений, привлеченных за них к ответственности и судимости в России (2003–2021 гг.)

же показатель регистрации привлеченных к ответственности лиц (диаграмма 3).

И здесь мы не видим роста обвинительных приговоров и регистрации преступлений, напротив, все показатели демонстрируют одновременное, по Жалинскому, их снижение.

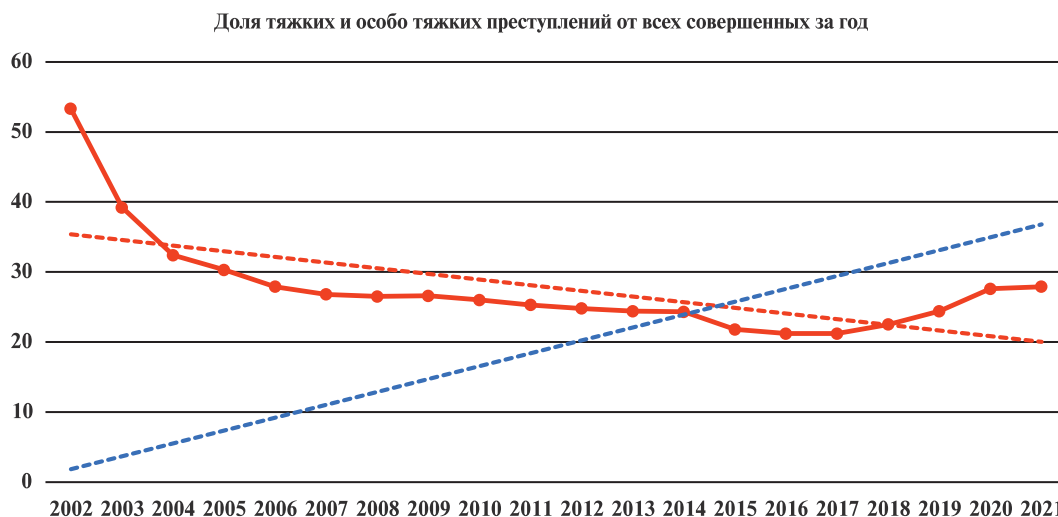
Однако я бы не решилась категорически утверждать, что социальные издержки уголовного права соответствуют социальным выгодам от него. А.Э. Жалинский видел в этом контексте социальные издержки как делегированное публичной властью право на насилие, а социальную выгоду — как обеспечение безопасности общества. Применяя право на насилие, если корректно выражаться, — право на государственное принуждение — в случае совершения деяний, обозначенных в Уголовном кодексе РФ как преступление, государство защищает нас от них, в том числе и посредством превентивного воздействия самого существования нормы — запрета, во всяком случае защищает от тех потенциальных нарушителей уголовного закона, на кого подобные нормы могут предупредительно воздействовать. Проблем здесь несколько: прежде всего, нельзя преувеличивать значение уголовно-правовой превенции — всегда, во всех обществах и государствах, остаются люди, которые ей не поддаются. Кроме того, снижение регистрации преступности и судимости, равно как и увеличение этих показателей, может свидетельствовать и о другом, например о хорошей (плохой) работе правоприменителей, о невозможности или, напротив, о возможности применить уголовный закон после последних изменений, наконец, о нежелании правоприменителей его применять, опять же ввиду разных причин (трудоемкости работы по выявлению,

пресечению преступления, его доказыванию, особенно, если это преступление небольшой или средней тяжести, — сил требуется много, а конечный результат — часто условная мера наказания; очевидном для правоприменителя псевдоопасном характере деяния, объявленного преступлением; и т.д.), либо о поступившем негласном распоряжении от власти предрешающих о необходимости создать прецеденты «работы» уголовно-правового запрета.

Поэтому само по себе наличие кризисного признака уголовного права «одновременный рост числа обвинительных приговоров и совершаемых преступлений» не предопределяет и даже в большинстве случаев вовсе не подтверждает реальный кризис уголовного права. Здесь, на мой взгляд, важно другое, хотя тоже без излишней переоценки значения этого факта: тенденции традиционной общеуголовной преступности, отнесенной законодателем к тяжкой или особо тяжкой (убийств, тяжкого вреда здоровью, насильственных половых преступлений, разбоев и вымогательств, некоторых других), и судимости за такие преступления. Для того чтобы такие тенденции выявить, этому вопросу нужно посвятить отдельное исследование — оно затратно по времени и трудоемко. Проще посмотреть на то, каковы тенденции регистрации преступлений, являющихся тяжкими и особо тяжкими. Принимаем во внимание здесь, что существенное количество таких преступлений приходится как раз на посягательства на жизнь, здоровье, половую свободу и неприкосновенность и собственность, хотя включает и довольно распространенные тяжкие и особо тяжкие преступления, которые относятся к преступлениям против общественной безопасности, против здоровья

Диаграмма 4

Динамика изменений регистрации тяжких и особо тяжких преступлений в России (2002–2021 гг., в %)

населения, коррупционные преступления и пр. Эту кривую, основываясь на данные МВД России за 20 последних лет, я построила (диаграмма 4).

Приведенная кривая демонстрирует две тенденции: *общую*, если брать весь период, охваченный диаграммой, и это пока еще тенденция на снижение таких показателей, но с учетом следующей тенденции, скорее в последние годы *инерционная*; и *тенденцию последних шести-семи лет*, которая явно состоит в увеличении доли тяжкой и особо тяжкой преступности. И последняя тенденция не может не тревожить. При этом, не имеет значения, за счет каких именно преступлений эта тенденция сформировалась, — все плохо. И все может косвенно свидетельствовать о нарастающем проявлении кризисного значения этого факта для уголовного права.

2.3. Инфляция уголовного законодательства (правовой признак кризиса)

К сожалению, этот кризисный признак уголовного права даже не требует особых доказательств, он подтверждается объективно²². При этом законодательную инфляцию признают в отношении всей правовой системы России. Совершенно верно отмечается, что она «дестабилизирует

систему законодательства»²³. В уголовном праве законодательная инфляция вредна максимально, поскольку касается самой строгой в государстве ответственности.

Посмотрим, сколько раз менялся Уголовный кодекс РФ за время своего действия, с 1997 г. по середину ноября 2022 г. За эти неполные 26 лет было только два года, в которые не принимались федеральные законы, направленные на изменения Уголовного кодекса РФ, — это 1997 и 2000 гг. В остальные годы Уголовный кодекс РФ менялся с такой периодичностью: 1998 г. — 2 федеральных закона; 1999 г. — 7; 2001 г. — 8; 2002 г. — 8; 2003 г. — 7; 2004 г. — 5; 2005 г. — 2; 2006 г. — 4; 2007 г. — 10; 2008 г. — 8; 2009 г. — 13; 2010 г. — 22; 2011 г. — 12; 2012 г. — 14; 2013 г. — 22; 2014 г. — 25; 2015 г. — 15; 2016 г. — 14; 2017 г. — 16; 2018 г. — 19; 2019 г. — 14; 2020 г. — 14; 2021 г. — 15; на 15 ноября 2022 г. — 12 федеральных законов.

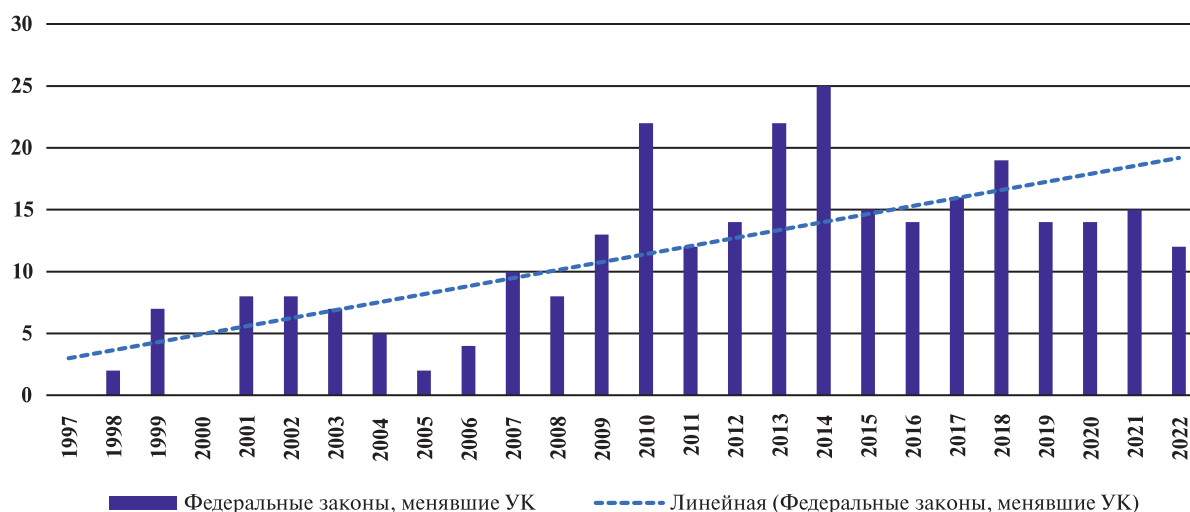
Всего за весь период действия Уголовного кодекса РФ принято 288 федеральных законов, реформировавших уголовное законодательство, с нарастанием подобной законотворческой работы, что видно по идущей вверх линии тренда. А были еще изменения Уголовного кодекса РФ, внесенные постановлениями Конституционного Суда РФ (всего их за весь период 11). По сути, от уголовного права, каким оно было на момент принятия Уголовного кодекса РФ, мало что осталось; в Общей части, к счастью (именно она — фундамент, основа), больше, чем в Особенной.

²² См. об этом, напр.: Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: от стагнации к гиперинфляции // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 115–120; Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex russica. 2014. № 12. С. 1399–1409; Шutowa B. H. Тенденции современного российского законодательства и вопросы повышения его качества // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2020. № 4 (95). С. 41–49; Курсаев А. В. Отрицательные аспекты новеллизации уголовного закона // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 600–605.

²³ См. об этом, напр.: Кожокар И. П. Законодательная инфляция: теоретико-правовое исследование // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 159.

Диаграмма 5

Динамика изменений уголовного законодательства России

К самым крупным изменениям Уголовного кодекса РФ в *Общей части* относятся:

расширение криминализации путем понижения возраста уголовной ответственности с 16 до 14 лет за совершение преступлений, предусмотренных 12 статьями (включая части статьи, если понижение касалось не всей статьи), — двумя в 2014 г. и 10 в 2016 г.;

изменения в категоричности преступлений, самыми важными из которых являются изменения, связанные с выделением системы категорий для неосторожных преступлений, с повышением предельных значений лишения свободы, которое может быть за них назначено (2019 г.);

наделение суда полномочиями по изменению категории преступлений — расширение судебско-го усмотрения (2011 г.);

изменения в системе наказаний (исключение конфискации имущества (2003 г.), включение принудительных работ (2011 г.)); изменения законодательной регламентации отдельных видов наказания (штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных и исправительных работ, ограничения свободы, лишения свободы);

увеличение возможностей освобождения от уголовной ответственности путем установления своеобразной платы за преступление (освобождение в связи с возмещением ущерба и с назначением судебного штрафа);

наделение конфискации имущества иной правовой природой и расширение ее применения в отношении лиц, не участвовавших в совершении преступления.

Не давая оценку каждому из указанных крупных изменений, отмечу, что их общие тенденции связаны с раздвижением рамок криминализации, с ужесточением наказания, с введением в уголовный закон легальной «платы» за преступление, с предоставлением суду все более широких полномочий (границы судебного усмотрения все более раздвигаются). Ни одну из названных тенденций поддержать не могу; на мой взгляд, они противоречат уголовно-правовым принципам, изложенным в гл. 1 УК РФ и пока не менявшимся.

Принципиальных изменений в *Особенной части* гораздо больше, фактически она законодателем почти переписана за прошедшие с момента принятия Уголовного кодекса РФ годы.

Главная тенденция — та же, что и в *Общей части*, только гораздо более выраженная, — расширение криминализации. Это видно даже по количеству статей в *Особенной части*, они увеличились вдвое (хотя, оговорюсь, не всегда новые статьи — это криминализация, достаточно часто — специфическая дифференциация, см. далее). На момент вступления в действие Уголовного кодекса РФ (1997 г.) в его *Особенной части* было 256 статей. На 18 ноября 2022 г. — 385 статей. Таким образом, процентный рост *Особенной части* — 50.4%, количественный рост — 129 статей. При этом инфляционные процессы затронули даже законодательно-технические приемы изложения норм в *Особенной части*: за счет включения в одну статью сразу нескольких составов преступлений и увеличения частей в статье до восьми (ст. 200⁷ «Подкуп арбитра (третейского судьи)», ст. 204 «Коммерческий подкуп»).

Даже не касаясь содержания уголовного закона, можно констатировать, что пользование таковым правоприменителями затруднено; он меняется так быстро и так кардинально, что неизбежны ошибки в привлечении к уголовной ответственности. В частности, диспозиция ч. 1 ст. 171 «Незаконное предпринимательство» менялась семь раз²⁴. А если учесть еще изменения санкций и примечания²⁵ — девять раз.

А если посмотреть на крайне важное для всей гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ примечание, которое разъясняет понятия крупного (особо крупного) размера, крупного ущерба, дохода либо задолженности в крупном (особо крупном) размере для многих составов преступлений этой главы, изменений еще больше, включая и местонахождение этого примечания (оно было введено в Уголовный кодекс РФ в 2003 г. к ст. 169, а в июле 2017 г. перекочевало волею законодателя в ст. 170² УК), — их 12²⁶.

Об инфляции уголовного закона свидетельствует и большое количество псевдопреступлений, которые не обладают общественной опасностью вообще или в достаточной степени.

Можно анализировать и далее, но, полагаю, сказанного вполне достаточно для констатации наличия этого кризисного признака уголовного права.

2.4. Немотивированное расширение предмета уголовно-правового воздействия и усиление ответственности (правовой признак кризиса)

Если оценивать расширение предмета уголовно-правового воздействия по формальным признакам, то следует признать, что законодатель пытается объяснить любое свое решение, с большей или меньшей убедительностью, публикуя пояснительные записки к каждому проекту изменений Уголовного кодекса РФ. Лишь к одному изменению уголовного закона документов по законопроекту отыскать не удалось — Федеральному закону от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ. В первоначальном тексте законопроекта речь шла лишь об одном изменении Уголовного кодекса РФ — ст. 80. Но в сентябре того же года законопроект был кардинально изменен, в него были включены четыре

новых состава преступления. Мотивации такого решения нет.

Если же исходить из сути изменений Уголовного кодекса, то, на мой взгляд, расширение предмета уголовно-правового воздействия заметить очень легко, хотя бы обратив внимание на все более широкое использование административной преюдиции как условия уголовной ответственности. В Особенной части УК РФ 32 состава преступления, в которых криминообразующим признаком выступает административная преюдиция, по-разному называемая (и неоднократно, и прямой ссылкой на конкретную статью Уголовного кодекса РФ, и указанием на наличие административного наказания)²⁷. Таким образом, уголовное право

²⁷ См.: Часть 1 ст. 116¹ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», ст. 151¹ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», ч. 1, 2 ст. 157 «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», ст. 158¹ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 171⁴ «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», ст. 171⁵ «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)», ч. 1 ст. 191 «Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга», ч. 1 ст. 193 «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации», ч. 1 ст. 201² «Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа», ст. 201³ «Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа», ст. 212¹ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», ч. 1 ст. 215³ «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность», ч. 1 ст. 215⁴ «Незаконное проникновение на охраняемый объект», ч. 2 ст. 255 «Нарушение правил охраны и использования недр», ч. 1 ст. 264¹ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», ч. 1 ст. 264² «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами», ч. 1 ст. 264³ «Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», ч. 1 и ч. 2 ст. 274² «Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования», ч. 1 ст. 280¹ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», ч. 1 ст. 280³ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными

²⁴ Федеральными законами: от 25.06.2002 г. № 72-ФЗ, от 11.03.2003 г. № 30-ФЗ, от 08.12.2003 г. № 169-ФЗ, от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ, от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ, от 26.07.2017 г. № 203-ФЗ, от 26.07.2019 г. № 207-ФЗ.

²⁵ Федеральными законами, ранее не названными: от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ и от 21.07.2004 г. № 73-ФЗ.

²⁶ См.: Федеральные законы: от 30.10.2009 г. № 241-ФЗ, от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ, от 27.07.2010 г. № 224-ФЗ, от 21.07.2014 г. № 277-ФЗ, от 31.12.2014 г. № 530-ФЗ, от 01.05.2016 г. № 139-ФЗ, от 26.07.2017 г. № 203-ФЗ, от 29.07.2017 г. № 250-ФЗ, от 23.04.2018 г. № 99-ФЗ, от 27.12.2018 г. № 530-ФЗ, от 27.10.2020 г. № 352-ФЗ, от 11.06.2021 г. № 215-ФЗ.

вмешивается не в свою сферу, смешивая предмет административного и предмет уголовного права. В Российской Федерации, между тем, это самостоятельные отрасли права.

Включение уголовной ответственности за повторенные административные правонарушения демонстрирует и второе проявление анализируемого кризисного признака — усиление ответственности. При этом определяя категорию такого специфического преступления — повторенного правонарушения, законодатель далеко не всегда относит его к преступлениям небольшой тяжести, что было бы хоть сколько-то логично. Шесть деяний отнесены к категории преступлений средней тяжести (ст. 212¹, ч. 1 ст. 280¹, ч. 1 ст. 282¹, ч. 1 и ч. 2 ст. 282⁴, ч. 1 ст. 284¹ УК РФ). Еще четыре и вовсе сочтены тяжкими преступлениями (ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵, ст. 285⁶ УК РФ), при этом самое строгое наказание — лишение свободы — предусматривает и нижний, и верхний предел (от четырех до восьми лет везде) и отягощено еще и сразу двумя *обязательными* дополнительными наказаниями — штрафом и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Последние статьи были введены в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Логика законодателя может быть объяснена (как было указано

ранее, пояснительной записки нет) тяжелой ситуацией в стране и вокруг нее. Однако в таком случае правильнее было бы вовсе исключить административную ответственность за подобные деяния, с установлением сразу ответственности уголовной и дифференцированной.

Еще два примера усиления уголовной ответственности. Первый касается половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Бесконечное ужесточение наказания привело к тому, что ныне убийство двух и более малолетних будет квалифицироваться по п. «а» и «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, с максимальным наказанием в виде *лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет* с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненного лишения свободы (смертная казнь тоже предусмотрена, но не применяется). А вот изнасилование двух малолетних или несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131 УК РФ) повлечет уголовную ответственность в виде *лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет* с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет либо пожизненного лишения свободы. Спросите у любой матери: это адекватная охрана половой неприкосновенности и жизни ребенка? Для меня ответ совершенно очевиден — нет. Изнасилование, разумеется, причиняет психологическую (иногда и физическую) травму, но с этим можно бороться за ребенка через психологов, врачей, через любовь, наконец. А если ребенка убивают — не поможет уже ничто.

Второй пример касается повышения порога лишения свободы для неосторожных преступлений до пятнадцати лет, с выделением категории тяжких неосторожных преступлений. Вид исправительного учреждения при этом не изменен, осужденные вне зависимости от категории совершенного неосторожного преступления отбывают наказание в виде лишения свободы в колониях-поселениях. Если ранее, в первой редакции ст. 264 УК РФ, максимальное наказание, которое могло быть назначено за это неосторожное преступление, составляло от четырех до десяти лет лишения свободы (ч. 4), то по действующей редакции статьи (ч. 6) максимальное наказание заключается в лишении свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Как такое наказание соотносится с ответственностью за простое (лишение свободы от шести до пятнадцати лет) и квалифицированное убийство (от восьми до двадцати лет), с одной стороны, и неосторожное причинение смерти двум и более лицам (ч. 3 ст. 109 УК РФ) — с другой (ограничение свободы на срок до четырех лет либо принудительные работы на срок до четырех лет,

органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях», ч. 1 ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ч. 1 и ч. 2 ст. 282⁴ «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами», ч. 1 ст. 284¹ «Осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности», ст. 284² «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц», ч. 1 ст. 285⁵ «Нарушение должностным лицом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа», ст. 285⁶ «Отказ или уклонение должностного лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа», ч. 2 ст. 314¹ «Неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений», ч. 1 ст. 315 «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта», ч. 2 и ч. 3 ст. 330¹ «Злостное уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в связи с признанием лица выполняющим функции иностранного агента» УК РФ.

либо лишение свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового)? Никак не соотносится. Ужесточение наказания точечное, несоразмерное ответственности за другие неосторожные деяния и приближающееся к ответственности за убийство.

2.5. Снижение технического уровня уголовного законодательства, сопряженное с ростом недействующих норм, с потерей определенности уголовного закона (*правовой признак кризиса*)

Качество законодательной техники, используемой при изменении уголовного закона, является притчей во языцех. Конституционный Суд РФ постоянно получает жалобы и заявления о правовой неопределенности и (или) неконституционности норм Уголовного кодекса РФ (чаще других речь идет о нормах ст. 10, 30, 72, 105, 159, 228, 228¹ и т.д.²⁸).

К наиболее крупным недостаткам уголовного закона в части законодательной техники, непосредственно негативно влияющим на содержание уголовно-правовой нормы, в том числе нормы запрета, я бы отнесла:

изложение сути запрета в непомерном количестве слов, что не позволяет вычленить суть запрета ни с первого, ни со второго, а иногда и ни с третьего, четвертого и т.д. взгляда. В частности, в диспозиции ч. 1 ст. 141¹ УК РФ состав нарушения порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума изложен при помощи 250 слов (более 2000 знаков, с пробелами); состав ч. 1 ст. 142¹ «Фальсификация итогов голосования» — при помощи 167 слов (более 1600 знаков); состав ч. 1 ст. 185⁵ «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» — при помощи 248 слов (более 2100 знаков), и т.д.;

не вызываемое необходимостью стремление к выделению специальных составов из общей нормы (мошенничество тому яркий пример, но и различные варианты злоупотребления полномочиями и злоупотребления должностными полномочиями, и др.);

конструкция уголовно-правовых запретов при помощи объявления в отдельных статьях (или в части статьи) преступными, по сути, приготовительных действий к давно известным преступлениям

(например, многочисленные варианты террористической деятельности), или же таких же действий, если они совершаются в сложном соучастии (с выделением самостоятельной ответственности за пособничество, подстрекательство, организацию конкретного преступления), тогда как уголовный закон позволяет привлечь таких лиц к уголовной ответственности на основе положений сразу Общей и Особенной частей по давно существующим нормам.

Отдельно скажу о недействующих нормах. Чаще всего они вредны, потому как создают видимость уголовно-правового регулирования или уголовно-правовой охраны, обозначают возможности того и (или) другого. Но на самом деле представляют собой только законодательный текст, за которым ничего нет. К таким нормам можно отнести, например норму об аресте (ст. 54 УК РФ) — наказании, которое так и не было введено в действие.

В Особенной части УК РФ есть уголовно-правовые запреты, которые не применяются вообще или почти не применяются²⁹. Таким образом,

²⁹ К таким относятся, например, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110², всего за пять лет действия возбудили 25 уголовных дел), принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120, за 25 лет — восемь дел), воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124¹, за три года дел нет), нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136, за 25 лет — 31 дело), отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140, шесть дел), нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума (ст. 141¹, с 2003 г. — 15 дел), воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149, девять дел), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151², за пять лет — 12 дел), подмена ребенка (ст. 153, 26 дел), невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах (ст. 172³, за три года дел нет), оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184, девять дел), злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст. 185¹, с 2003 г. — 10 дел), нарушение порядка учета прав на ценные бумаги (ст. 185², с 2011 г. — девять дел), манипулирование рынком (ст. 185³, с 2011 г. — 15 дел), воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185⁴, с 2011 г. — четыре дела), неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185⁶, с 2013 г. — шесть дел), невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей (ст. 190, девять дел), уклонение страхователя — физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (ст. 199³, за четыре года дел нет), уклонение страхователя-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (ст. 199⁴, за четыре года дел нет), злоупотребления в сфере закупок

²⁸ См.: Список часто обжалуемых статей УК РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Compilation/%D0%9F%D0%BE%D0%B4%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B0%20%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%A3%D0%9A%20%D0%A0%D0%A4.pdf>

практика демонстрирует ненужность этих и других столь же редко применяемых составов.

Разумеется, есть в Уголовном кодексе РФ неприменяемые нормы, от которых отказаться нельзя: они касаются редких (или редчайших) высоко общественно опасных деяний, как правило, появившихся в Кодексе на основании международно-правовых предписаний (например, геноцид, экоцид) или обусловленных собственной историей (например, состав незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128)). По последнему составу ежегодно в России возбуждается, как правило, от одного до пяти-шести уголовных дел (максимальные значения ежегодной регистрации приходились на первые годы действия Уголовного кодекса РФ и составляли 9–11 дел). Однако исключение этой нормы из Уголовного кодекса РФ будет, без сомнения, какую бы аргументацию ни приводили, расцениваемо как наступление на права человека, возвращение в эпоху брежневского застоя, когда людей — оппонентов режима помещали в психиатрические больницы, убивая в них личность.

Таким образом, и по этому кризисному признаку уголовного права можно подтвердить, что он есть.

2.6. Влияние избыточного использования уголовно-правовых средств на соотношение властных полномочий и политический климат (социальный признак кризиса)

А.Э. Жалинский указывал по этому признаку, что наличие его проявлений «приводит к уменьшению контроля общества над уголовным правом» (с. 117) и подробно останавливался на сути и негативных последствиях влияния избыточного использования уголовно-правовых средств на соотношение властных полномочий. Автор справедливо подчеркивал: «чем шире пределы криминализации поведения, тем в принципе шире порождается ими круг уголовно-правовых властеотношений» (с. 196). Он выделял законные и противоправные властеотношения, относя к последним, в частности, вмешательство в предпринимательскую деятельность и «самое опасное» — коррупцию. К сожалению, и то и другое распространено у нас повсеместно.

Очень точно, на мой взгляд, А.Э. Жалинским передана суть негативного изменения властеотношений: «Власть в целом становится более авторитарной, поскольку договорная схема отношений, характерная для частноправового регулирования, сменяется принудительной, не допускающей диспозитивности. Это

прерывает диалог с населением, блокирует развитие гражданского общества и вынуждает граждан к коррупционному поведению. Невозможность или трудность установления законных договорных в широком смысле этого слова отношений вынуждает покупать услуги лиц, обладающих в связи с определенным содержанием закона крайне опасной для их контрагентов властью. Далее, меняется иерархическое соотношение властей и властных структур — усиливаются позиции правоохранительной власти и ослабляются позиции власти исполнительной, в иных сферах — даже судебной власти. Поскольку реализация уголовного закона и связанные с этим властные возможности весьма специфичны в этих рамках, на нижних уровнях может иногда происходить нелегальная приватизация власти, последствия которой также могут носить самый различный характер. Кроме того, даже действуя вполне законно, власть, получив избыточные уголовно-правовые полномочия, может деформировать, разумеется, частично, цели социального развития. Наконец, может произойти общее ослабление творческих сил общества» (с. 197).

По сути, речь идет о злоупотреблении уголовным правом государством, «штампующим» все новые законы об уголовной ответственности, бесконечно расширяющим сферу преступного и наказуемого, порождающим в силу невозможности применения отдельных политических или с экономическим интересом порожденных уголовно-правовых норм избирательное правоприменение, избирательное правосудие.

Все сказанное не может влечь позитивные последствия для политического климата в стране. В любые времена. Патриотизм не рождается введением новых статей Уголовного кодекса РФ, даже если каждая из них будет предусматривать максимальное уголовное наказание. Иногда — с точностью наоборот. Для примера можно привести историю признания Тверским судом г. Москвы 21 марта 2022 г. экстремистской организацией Meta, ранее известной как Facebook, владельца социальных сетей Facebook и Instagram. Запрет на пользование названными социальными сетями и их блокирование на территории Российской Федерации привели к тому, что практически все пользователи Интернета стали устанавливать на свои телефоны и компьютеры VPN (англ. *Virtual Private Network* «виртуальная частная сеть») — технологии, позволяющие обеспечить одно или несколько сетевых соединений поверх другой сети, например сети Интернет. Не для ведения экстремистской деятельности, разумеется, а для продолжения привычных коммуникаций с партнерами по бизнесу, коллегами, с друзьями, с родными. В использовании VPN публично признавался даже пресс-секретарь Президента РФ. Однако в первые дни ноября 2022 г. «прилетела» новость из Томска о первом приговоре, якобы

товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200⁴, за четыре года — девять дел), заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200⁶, за три года — одно дело), и т.д.

связанном с использованием VPN³⁰. Новость породила широкие дискуссии, где в равной степени были представлены позиции, согласно которым: 1) для такого решения суда нет оснований; 2) для такого решения есть основания; 3) нам не представили данных о точном содержании приговора, а потому дебаты основаны только на догадках. В то же время томская история может быть «пробным шаром», проверкой возможности уголовной ответственности за подобное в рамках ст. 273 УК РФ. Благо специалисты в области уголовного и цифрового права, участвовавшие в дискуссиях, дали дополнительные аргументы правоприменению в части того, что уголовная ответственность возможна. Всех, разумеется, не привлечь, т.е. вполне реально избирательное правоприменение.

Основные выводы

Проделанный анализ позволяет заключить, что российское уголовное право находится в кризисном состоянии, с достаточной степенью выраженности каждого из предложенных проф. А.Э. Жалинским признаков.

Означает ли это, что его нужно менять путем, например, принятия еще одного Уголовного кодекса РФ, за что и сама я до сравнительно недавнего времени ратовала?

Думаю, что сейчас не время для таких перемен. Да и средств — ресурсов у государства на подобные перемены нет. Они должны проводиться в спокойное время, не знаменуемое глобальными мировыми и внутригосударственными потрясениями.

Единственное, что мы можем сделать сейчас, — пытаться донести до законодателя, что уголовным правом всех бед не преодолеть...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афанасьева О.Р.* «Цена» преступности и проблемы ее исчисления // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2012. № 5. С. 9–16.
2. *Бибик О.Н.* Применение теории рационального выбора в уголовном праве и криминологии (на примере теоремы Коуза) // Юридический вестник Самарского ун-та. 2016. Т. 2. № 1. С. 91–98.
3. *Бибик О.Н.* Рынок «лимонов» и проблема учета личности преступника // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2017. № 1 (50). С. 197–199.
4. *Бибик О.Н.* Стратегические приоритеты уголовного права — возмездие или ресоциализация? // Юридический вестник Самарского ун-та. 2018. Т. 4. № 2. С. 17–23.
5. *Бибик О.Н.* Экономический подход в юридической науке // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2016. № 4 (49). С. 26–33.
6. *Бочкарев С.А.* Метафизика и ее место в структуре уголовно-правового знания // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 4.
7. *Бытко Ю.И.* О некоторых признаках кризиса в сфере уголовно-правового нормотворчества // Вестник СГЮА. 2013. № 3 (92).
8. *Голик Ю.В., Коробеев А.И.* Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex russica. 2014. № 12. С. 1399–1409.
9. *Дубовик О.Л.* Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории // Право и политика. 2001. № 2.
10. *Жалинский А.Э.* О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1.
11. *Жалинский А.Э.* Об экономическом подходе к уголовному правотворчеству // Государство и право. 2007. № 10. С. 58–67.
12. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2008. С. 2, 113, 117, 196, 197.
13. *Квашиш В.Е.* «Цена» преступности как криминологическая проблема // Уголовное право. 2008. № 6. С. 94–102.
14. *Кожокар И.П.* Законодательная инфляция: теоретико-правовое исследование // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 159.
15. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: от стагнации к гиперинфляции // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 115–120.
16. *Кудрявцев В.Н.* Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130, 131.
17. *Кузнецова Н.Ф.* Нужна ли модернизация уголовного права? // Уголовное право. 2007. № 2.
18. *Курсаев А.В.* Отрицательные аспекты новеллизации уголовного закона // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 600–605.
19. *Мацкевич И.М.* Геометрия уголовного закона // Lex russica. 2018. № 9 (142). С. 10.
20. *Михайлов А.Е.* Цена преступности и ее место в системе противодействия преступности // Ученые записки РАНХиГС (Владимир). 2022. № 2 (42). С. 142–147.
21. *Наумов А.В.* О будущем российского уголовного права — законодательства, его применения и науки // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2008. № 6. С. 15–20.
22. *Наумов А.В.* Открытое письмо академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 135–138.
23. *Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М.* Проблемы производства и оборота криминологической информации // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1 (1). С. 137–150.
24. *Разогреева А.М., Чутченко А.А.* Перспективы развития экономического уголовного права // Вестник Таганрогского ин-та им. А.П. Чехова. Сер. «Право». 2022. № 1. С. 371.
25. *Степаненко Р.Ф., Камаров М.Р.* Трансакционные издержки: современные методологические подходы к изучению правовой реальности // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 298.

³⁰ См.: URL: http://oktiabrsky.tms.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=378

26. Цена преступности (методология ее определения) / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2014.
27. Шиханов В.Н. Регрессивный сдвиг и утрата этических оснований в уголовном праве как глобальная проблема // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: А.М. Бычкова, Н.В. Кешикова. Иркутск, 2021. С. 222–228.
28. Шутова В.Н. Тенденции современного российского законодательства и вопросы повышения его качества // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2020. № 4 (95). С. 41–49.
13. Kvashis V.E. “The price” of crime as a criminological problem // Criminal Law. 2008. No. 6. P. 94–102 (in Russ.).
14. Kozhokar I.P. Legislative inflation: theoretical and legal research // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2022. Issue 56. P. 159 (in Russ.).
15. Korobeev A.I. Criminal law policy of modern Russia in the field of lawmaking: from stagnation to hyperinflation // Legal policy and legal life. 2013. No. 2. P. 115–120 (in Russ.).
16. Kudryavtsev V.N. It’s time to modernize the science of Criminal Law // Criminal Law. 2006. No. 5. P. 130, 131 (in Russ.).
17. Kuznetsova N.F. Is modernization of criminal law necessary? // Criminal Law. 2007. No. 2 (in Russ.).
18. Kursaeв A.V. Negative aspects of the novelization of the Criminal Law // Legal technique. 2021. No. 15. P. 600–605 (in Russ.).
19. Matskevich I.M. Geometry of Criminal Law // Lex russica. 2018. No. 9 (142). P. 10 (in Russ.).
20. Mikhailov A.E. The price of crime and its place in the system of combating crime // Scientific Notes of RANEPa (Vladimir). 2022. No. 2 (42). P. 142–147 (in Russ.).
21. Naumov A.V. About the future of Russian Criminal Law – legislation, its application and science // Herald of the Stavropol State University. 2008. No. 6. P. 15–20 (in Russ.).
22. Naumov A.V. An open letter to academician V.N. Kudryavtsev // Criminal Law. 2006. No. 4. P. 135–138 (in Russ.).
23. Pudovochkin Yu. E., Babaev M.M. Problems of production and turnover of criminological information // Russian Deviantological Journal. 2021. No. 1 (1). P. 137–150 (in Russ.).
24. Razogreeva A.M., Chutchenko A.A. Prospects for the development of economic Criminal Law // Herald of Chekhov Taganrog Institute. Ser. “Law”. 2022. No. 1. P. 371 (in Russ.).
25. Stepanenko R.F., Kamarov M.R. Transaction costs: modern methodological approaches to the study of legal reality // Chekhov of the Kazan Legal in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (37). P. 298 (in Russ.).
26. The price of crime (methodology of its definition) / ed. by N.A. Lopashenko. M., 2014 (in Russ.).
27. Shikhanov V.N. Regressive shift and loss of ethical grounds in criminal law as a global problem // Problems of modern legislation of Russia and foreign countries: materials of the X International Scientific and Practical Conference / ed.: A.M. Bychkova, N.V. Keshikova. Irkutsk, 2021. P. 222–228 (in Russ.).
28. Shutova V.N. Trends of modern Russian legislation and issues of improving its quality // Herald of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (95). P. 41–49 (in Russ.).

REFERENCES

1. Afanaseva O.R. The “price” of crime and the problems of its calculation // Problems of strengthening law and order: science, practice, trends. 2012. No. 5. P. 9–16 (in Russ.).
2. Bibik O.N. Application of the theory of rational choice in Criminal Law and criminology (on the example of the Coase theorem) // Legal Herald of the Samara University. 2016. Vol. 2. No. 1. P. 91–98 (in Russ.).
3. Bibik O.N. The “lemon” market and the problem of accounting for the identity of the criminal // Herald of the Omsk University. Ser. “Law”. 2017. No. 1 (50). P. 197–199 (in Russ.).
4. Bibik O.N. Strategic priorities of criminal law – retribution or re-socialization? // Legal Herald of the Samara University. 2018. Vol. 4. No. 2. P. 17–23 (in Russ.).
5. Bibik O.N. Economic approach in legal science // Herald of Omsk University. Ser. “Law”. 2016. No. 4 (49). P. 26–33 (in Russ.).
6. Bochkarev S.A. Metaphysics and its place in the structure of criminal law knowledge // Herald of the Tambov University. Ser.: Humanities. 2014. No. 4 (in Russ.).
7. Bytko Yu.I. On some signs of a crisis in the field of criminal law rulemaking // Herald of the SSSA. 2013. No. 3 (92) (in Russ.).
8. Golik Yu. V., Korobeev A.I. Reform of the criminal legislation of Russia: to be or not to be? // Lex russica. 2014. No. 12. P. 1399–1409 (in Russ.).
9. Dubovik O.L. The crisis of Criminal Law and criminal law theory // Law and Politics. 2001. No. 2 (in Russ.).
10. Zhalinsky A.E. On the current state of criminal law science // Criminal Law. 2005. No. 1 (in Russ.).
11. Zhalinsky A.E. On the economic approach to criminal lawmaking // State and Law. 2007. No. 10. P. 58–67 (in Russ.).
12. Zhalinsky A.E. Criminal Law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. M., 2008. P. 2, 113, 117, 196, 197 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛОПАШЕНКО Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Authors’ information

LOPASHENKO Natalya A. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Saratov State Law Academy; 1 Volskaya str., 410056 Saratov, Russia